

Сергей Лукацкий

САМЫЙ ГРОМКИЙ ПРОЦЕСС

НАШЕЙ ЭРЫ

ПРИГОВОР, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛ МИР

Сергей Борисович Лукацкий Самый громкий процесс нашей эры. Приговор, который изменил мир (Опыт исторической реконструкции)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3000985

Самый громкий процесс нашей эры. Приговор, который изменил мир:

Центрполиграф; М.; 2011

ISBN 978-5-227-03155-6

Аннотация

В истории человечества не было судебного процесса, имевшего такие значительные последствия для цивилизации, как этот. И, возможно, выводы, к которым приходит автор в процессе своей исторической реконструкции, многим покажутся скандальными. Но самое главное преимущество этой книги в том, что она написана с максимально объективной точки зрения, на базе исторических документов и трезвого анализа политической, социальной и идеологической ситуации. Таким образом, перед нами постепенно открывается подлинная историческая картина Древней Иудеи I века н. э.

Содержание

Постановка вопроса	4
Методика	9
Временные рамки событий	10
Исторический фон событий	13
Въезд в Иерусалим	22
Изгнание менял	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Лукацкий Самый громкий процесс нашей эры. Приговор, который изменил мир

*Знание некоторых закономерностей возмещает
незнание некоторых фактов.*

К. Гельвеций

*Но они ничего из этого не поняли... и они не
разумели сказанного.*

Лк., 18: 34

*– Эти добрые люди, – заговорил арестант и,
торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: –
ничему не учились и все перепутали, что я говорил.*

М. Булгаков.

Мастер и Маргарита

Постановка вопроса

В данной работе я хочу обратить внимание на вопрос историчности евангельского описания суда над Иисусом, поскольку думаю, что в истории человечества не было судебного процесса, имевшего такие значительные последствия для

цивилизации, как этот.

Прошу не воспринимать критический анализ Евангелий (*гр.* euaggelion – благовествование) как кощунство, так как синоптическое (*гр.* synopsis – совместное обозрение) изложение и Евангелие Иоанна, в силу многих причин, не могут восприниматься как безупречно исторические. Евангелие несет совсем другой заряд и выполняет другие задачи, нежели историческая хроника. Я же буду руководствоваться историей и ее инструментами, подходить к Иегошуа бен Иосифу как к историческому персонажу, жившему в конкретное время, в реальных условиях Иудеи I в. н. э., а не как к Иисусу Христу, фигуре сформированной церковным преданием и многими поколениями верующих.

Я склонен полагать, что истоки межрелигиозного конфликта кроются в эпизоде суда над Иисусом. Поэтому разобраться в исторической ситуации было бы очень важно, как и во всем, что связано с личностью и биографией Иисуса. Ведь нет в истории другого персонажа, во имя которого начиналось и останавливалось столько войн, во имя которого столько людей убивали, столько людей истязали и столько принимали муку, в мире нет и не было имени известного шире, чем имя Иисуса из Назарета.

Однако многие события, описанные синоптиками, несколько мифологичны и плохо подкрепляются параллельными источниками. Несмотря на то что авторитетные авторы рубежа новой эры подробнейшим образом описывали

события в Палестине того времени, они молчат об Иисусе. Нет упоминаний об Иисусе из Назарета в Кумранских свитках, найденных близ побережья Мертвого моря, хотя многие из них были составлены в период времени, описываемый евангелистами, и в той же местности, в которой проповедовал Иисус. Несмотря на это, тексты, найденные в Кумране, содержат изречения, совпадающие по форме, иногда слово в слово, с изречениями Нового Завета. Нам неизвестны упоминания об Иисусе в трудах историка Юстуса Тивериадского (секретарь царя Агриппы II), хотя он был современником Иисуса и жил в одной местности с Ним, в Галилее. Правда, его сочинения известны только опосредованно, благодаря полемике с ним Иосифа Флавия, в книге «Жизнь». Византийский патриарх Фотий (ок. 820 – ок. 891), давший обзор множества рукописей, в своем труде «Мириобиблион» («Множество книг») упоминает и «Хронику иудейских царей» Юстуса Тивериадского, но он не нашел там упоминания об Иисусе. Молчит римский историк Плиний Старший (*лат. Gaius Plinius Secundus*; 23–79 н. э.). Молчит современник Иисуса Филон Александрийский (*Philon Alexandreos*; ок. 20 до н. э. – 50 н. э.). Молчит и главный источник по истории Палестины – Иосиф Флавий (Иосеф бен Матитьягу га-Коген, *лат. Josephus Flavius*; р. ок. 37 – ум. ок. 100). Его отец был из знатного рода коэнов (священников, потомков Аарона) и, вероятно, членом Синедриона, причем как раз в то время, когда состоялся суд над Иисусом. Неужели отец

не упомянул о столь экстраординарных событиях, участником и свидетелем которых он был? Иосиф Флавий упоминает всех заметных учителей своего времени, говорит о десятке лиц с тем же именем, довольно много пишет про Иоанна Крестителя, что говорит о более заметной общественной роли последнего... А об Иисусе Иосиф говорит только вскользь, и то, скорее, только в связи с Его братом (об этом см. ниже). Таким образом, текстов, на которые мы могли бы твердо опереться, у нас нет. В нашем распоряжении также нет каких-либо археологических или эпиграфических данных, относящихся к I в. и подтверждающих евангельскую историю. Это обстоятельство охотно муссировалось мифологической школой и атеистами.

Однако это не означает, что Евангелия не историчны, а Иисуса как исторической фигуры никогда не существовало. Если бы за Иисусом не было реальной исторической личности, невозможно представить причины, по которым такая харизматичная личность, как апостол Павел (почти современник), признал власть Иакова брата Господня, который ничем, кроме кровного родства, ее не заслужил, имея в виду, что Павел справедливо полагал, что «более всех потрудились» в проповеди новой веры (1 Кор., 15: 10) и не признавал внешних авторитетов. Почему бы такому человеку признать власть кровного брата равви из Назарета, если Иисус никогда не существовал в физическом облике? Тем более что сам Павел мало интересовался земной жизнью Иисуса и крайне

мало сообщает о ней, а также скупно цитирует слова самого Христа.

Даже дата рождения Христа остается неопределенной (по разным источникам от 4 г. до н. э. до 12 г. до н. э.). Нам твердо неведомо и место рождения: Он родился то ли в Назарете (*ивр. Нацерет или Нацрат*), согласно Луке и Иоанну, то ли в Вифлееме (*ивр. Бейт-Лехем*), по Матфею. Родословная Иисуса туманна даже в ближайших предках: дедушку Иисуса звали то ли Илией – по Луке (3: 23), то ли Иаковом – по Матфею (1: 16), далее путаница еще более усугубляется, вплоть до абсурда. Матфей перечисляет у Иосифа двадцать шесть предков, восходящих к Давиду, а счет Луки переваливает за сорок. Это неудивительно, поскольку возможность того, что где-то хранилась и могла быть проверена родословная некоего деревенского плотника Иосифа, крайне маловероятна, даже церковные историки говорят, что и более знатные особы были лишены этой возможности: «Ирод Великий, устыдясь своего незнатного происхождения, велел уничтожить все еврейские родословия» (Юлий Африканский у Евсевия. *Eus. HE. I. 7: 13*). Но исключить такую возможность мы не можем ввиду обнаружения археологами надписи на оссуарии (*лат. ossuarium* – урна для хранения останков) времен близких к Иисусу, которая гласит, что там лежат кости тех, кто происходит «из дома Давида» (*D. Flusser. The Israel Museum Journal. Jerusalem, 1986. Vol. 5*).

Методика

В связи с указанными выше обстоятельствами полагаю, что в данном исследовании необходимо применять обычный в таких случаях критический метод реконструкции истории.

Если в нашем распоряжении нет достаточного количества достоверных фактов, то для построения цельной исторической концепции мы вынуждены экстраполировать определенные закономерности, присущие исследуемой эпохе. Упомянутое в источнике событие с высокой степенью вероятности может считаться возможным и закономерным при том условии, если оно встраивается логично необходимым звеном в причинно-следственную цепь до и после себя.

Именно такой подход я предлагаю применять для рассмотрения евангельской истории. В анализе свидетельств Евангелий считаю нужным исходить из принципа «дополнительности» вариантов изложений разными евангелистами одних и тех же фактов, то есть не опровергать одно свидетельство евангелиста другим, поскольку во многих случаях противоречия между Евангелиями позволяют нам с большей степенью вероятности вскрыть более ранние варианты текста и определить степень близости реконструированных версий к историческим фактам.

Временные рамки событий

Время рассматриваемых событий ограничено Евангелиями, хотя и тут есть разночтения, ведь епископ Иерусалима Александр в первой половине III в. считал, что Иисус распят в 58 г., а Ириней полагал, что Иисус был казнен при кесаре Клавдии, то есть после 41 г. Но я буду опираться на свидетельства евангелистов и известные по параллельным источникам биографии тех персон, которых упоминает Лука: «Когда Понтий Пилат был правителем в Иудее, Ирод был тетрархом Галилеи, его брат Филипп – тетрархом Итуреи и Трахонитской области, Лисаний – тетрархом Авилинеи» (Лк., 3: 1). Нам достоверно известно, что Понтий Пилат (лат. Pontius Pilatus) пребывал в Иудее с 26 по 36 г. н. э., Ирод Антипа был тетрархом с 4 г. до н. э. до 39 г. н. э., Филипп – тетрархом с 4 г. до н. э. до 34 г. н. э. Лисаний, вопреки Луке, давно не правил Авилинеей (область, расположенная северо-западнее Дамаска). Но такая административная единица была, поскольку Иосиф Флавий упоминает «Авилинею Лисания». Видимо, Лука неверно истолковал привычный топоним, знакомый ему по рассказам местных жителей, считая, что Лисаний до сих пор жив и правит, но мы не будем обращать внимания на эту ошибку.

То есть время событий известно: с 26 до 36 г. Но следует полагать, что арест и казнь Иисуса произошли ближе к

35–36 гг., на это предположение наталкивает рассказ Флавия об отношениях Ирода Антипы и Иоанна Крестителя. Иоанн был убит Иродом Антипой до войны с царем Набатей Аретой IV, так как Иосиф Флавий пишет, что «некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убийство Иоанна» (*Flav. Iud. Ant.*, XVIII), таким образом, в глазах иудейского общества поражение Ирода было следствием казни Иоанна и следовало после казни, но никак не раньше женитьбы на Иродиаде, которая была осуждена Иоанном как кровосмесительная и послужила причиной войны.

Но промежуток между казнью Иоанна и военным поражением Ирода Антипы не мог быть слишком длинным, иначе события не связались бы у иудеев в причинно-следственную цепочку. Память народная коротка. Точно так же, согласно изложению Флавия, не мог быть длительным промежуток времени между бегством первой жены Ирода Антипы (дочери царя Ареты IV) и женитьбой на Иродиаде. Датировать войну и разгром Ирода Антипы нам позволяет Флавий, сообщивший, что Ирод пожаловался на Арету кесарю Тиберию (*лат. Tiberius Julius Caesar Augustus*), который «разгневался на образ действий Ареты» и повелел легату Луцию Вителлию (*Vitellius Lucius*) выступить с приданными ему легионами против царя Ареты. А мы знаем, что Луций Вителлий был назначен легатом-пропретором Сирии только в 35 г. н. э. (*Тас. Ann. VI*) и выступить против Ареты ранее не мог.

Повествование Флавия не подразумевает значительной временной паузы между поражением Ирода и вмешательством Вителлия, значит, все перечисленные события произошли в промежуток времени в 1–2 года, последовательно: женитьба на Иродиаде, затем казнь Иоанна, война и поражение Ирода, вмешательство римлян. Правда, это расходится с небольшой длительностью служения Иоанна в Евангелиях – год-полтора, с 15 г. правления Тиверия Кесаря (29 н. э.), но это возможно, поскольку Евангелия посвящены не ему. Кроме того, из Евангелий мы знаем, что после казни Иоанна служение Иисуса продолжалось еще достаточно длительный промежуток времени (не менее года). Таким образом, арест и казнь Иисуса приходятся на самый конец каденции Понтия Пилата в 36 г. н. э.

Исторический фон событий

Принимая во внимание вполне обоснованную версию о том, что Иисус был много старше 30 лет, а об этом упоминают и Иоанн: «Тебе нет и пятидесяти лет» (Ин., 8: 57), и Иринеи Лионский, называвший Иисуса «старец, достигший преклонных лет» и еще: «Христос освятил своим пребыванием на земле все возрасты человеческой жизни» (*Иринеи Лионский. Против ересей. II. 23: 2*). Известно, что Иринеи, по преданию, был учеником святого Поликарпа Смирнского, который, в свою очередь, ходил в учениках у Иоанна Богослова, и тогда вероятно, что данные о возрасте Иисуса исходят от Иоанна Богослова. Следовательно, можно предположить более раннюю дату рождения Иисуса. А хорошим ориентиром может быть Вифлеемская звезда, отождествляемая с кометой Галлея (12 до н. э.) как единственным астрономическим объектом, способным двигаться по небосклону, за которым могли следовать волхвы.

Если принять эту версию, то Иисуса можно связать со многими событиями того «бунташного» времени. Он вполне мог застать и даже принять какое-то участие в одном из многих «больших» восстаний, потрясавших Иудею, или в одном из сотен локальных. Это могло быть восстание Иуды Галлонита (Галилеянина). Иуда из Гамаллы, вместе с фарисейским раввином Цадоком, или Садоком (фарисеи часто при-

нимали участие, возглавляли и вдохновляли бунты), поднял восстание в дни одной из имущественных переписей, «а за ним поднялся народ, чтоб отпасть» – отпасть именно от Рима:

«Некий галилеянин Иуда, происходивший из города Гамалы, вместе с фарисеем Садоком, стал побуждать народ к оказанию сопротивления, говоря, что допущение переписи поведет лишь к рабству. Они побуждали народ отстаивать свою свободу. Их не может постигнуть неудача, говорили они, ибо налицо самые благоприятные условия; даже если народ ошибется в своих расчетах, он создаст себе вечный почет и славу своим великодушным порывом. Предвечный лишь в том случае окажет иудеям поддержку, если они приведут в исполнение свои намерения, особенно же если они, добиваясь великого, не отступят перед осуществлением своих планов.

Народ с восторгом внимал этим речам, и, таким образом, предприятие получило еще более рискованный характер» (*Flav. Iud. Ant. XVIII. 1: 1*). Флавий не для красного словца назвал последователей Иуды Галлонита «четвертой школой», наряду с прочими, имеющимися в Израиле того времени, хотя об их идеологии Иосиф Флавий умалчивает, он вообще пытается не раздражать Рим, так же, впрочем, как и авторы Евангелий и Деяний. Непосредственной причиной бунта послужила опись имущества и населения, произведенная в Иудее, Самарии и Идумее (локально, а не «по всей зем-

ле», как пишет Лука (2: 1, 2), она проводилась по велению кесаря Августа в 6 г. н. э., имперским легатом Сирии – Сульпицием Квиринием (лат. Publius Sulpicius Quirinius). Евреи во все времена негативно воспринимали переписи. Известно, что еще при царе Давиде, любимом авторами Писания, перепись вызвала резкие осуждения и угрозы со стороны пророков (Пар., 21: 3–30). С сугубо светской точки зрения перепись является необходимой процедурой, будучи основой налоговой системы, однако с точки зрения иудаистской теократии перепись – почти нечестивое дело (2 Цар., 24).

Согласно Торе, Бог – единственный властитель, а взнос в Храм – единственный оговоренный Торой налог, а потому уплата налога светскому правителю является в некоторой степени замещением Бога этим правителем. Философия иудейской теократии, в своей радикальной форме враждебная всякой идее светской государственности, в вопросе налогообложения последовательно доходила до конца – до отрицания гражданского общества и всякого светского правительства, а уж признание власти римского императора-язычника – это и вовсе святотатство. Любые деньги в общественных, а не в храмовых кассах считались краденными. А Иисусу инкриминировали призыв не платить налогов, что сближает Его с идеологией zelotizma и Иудой из Гамалы. А также с его сыном Менахемом (почитавшимся сторонниками как царь-машиах), коего Флавий характеризует как «замечательного софиста, который при Квиринии укорял евреев в том,

что они, кроме Бога, признают еще и власть римлян» (*Flav. Jos. Bel. lud. II. 17–8*). Возможно, Иисус был близок к школе Иуды и Менахема, во всяком случае, мог быть знаком с ней. Ведь многое из учения zelотов было солидарно с учением фарисеев, многочисленные фрагменты из которого активно использовал в своих проповедях Иисус. Вся жизнь Иисуса протекала в Галилее, бывшей местом постоянных бунтов, как то восстание Иуды, сына Езекии, которое он поднял в Сепфорисе (3 или 4 до н. э.), всего в 5–6 километрах от Назарета, где жил Иисус с семьей и куда, вероятно, Он ходил на заработки в качестве строителя, вместе с отцом. Восстание было жестоко подавлено римлянами, город сожжен, жители проданы в рабство.

Вот как описывает И. Флавий в «Иудейских древностях» (XVII. 10) политический фон страны того времени:

«Был там также некий Иуда, сын могущественного атамана разбойников, Езекии, которого Ирод с большими трудностями держал в повиновении. Этот Иуда собрал около галилейского города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец, захватил все находившееся там оружие, вооружил им всех своих приверженцев и похитил все находившиеся там деньги. Так как он грабил и брал в плен всех, кто ему попадался на пути, то он всюду вселял ужас. При этом им руководило желание добиться высшего положения и даже царского достоинства (машиаха. — *Авт.*), впрочем, он рассчитывал достигнуть этого не столько

доблестью, сколько дерзким захватом.

Существовал тогда также один из служителей царя Ирода, некий Симон, человек красивый, огромного роста и крайне сильный, пользовавшийся доверием царя. Основываясь на беспорядочном состоянии дел, этот человек осмелился возложить на себя царский венец. Собрав себе толпу приверженцев, которые в своем безумии провозгласили его царем (машиахом. — *Авт.*), и считая себя вполне достойным этого высокого сана, Симон разграбил и сжег царский дворец в Иерихоне. Равным образом он предал пожару целый ряд других дворцов в стране, причем предоставлял толпе своих приверженцев грабить их сколько угодно.

Вместе с тем даже некий Афронг, человек, не блиставший ни знатностью рода, ни личной доблестью, ни обилием денежных средств, всего-навсего простой пастух, отличавшийся, впрочем, огромным ростом и недюжинной физической силой, решился домогаться царской власти... (власти машиаха. — *Авт.*). Сам же Афронг надел на себя царский венец и держал совет относительно дальнейшего образа действий...

Потом Вар разослал по стране часть своего войска и стал ловить виновников возмущения. Когда ему указывали на таковых, он их наказывал как зачинщиков; многих, впрочем, он отпустил без наказания. Таким образом, было казнено (через пригвождение к кресту) две тысячи человек. Видя затем, что войска ему более не нужны, он распустил их, потому

что они, вопреки повелениям и желаниям Вара, совершили много насилий и грабежей из любопытства».

Флавий характеризует всех этих «машиахов» так: «Это были обманщики и прельстители, которые под видом божественного вдохновения стремились к перевороту и мятежам, туманили народ безумными представлениями, манили его за собою в пустыню, чтобы там показать ему чудесные знамения его освобождения» (*Flav. Jos. Bel. lud.*, II. 13–4).

Палестина того времени была местом интенсивного брожения умов, чрезвычайно напряженных мессианских и эсхатологических ожиданий (*гр.* *eschatos* – последний, крайний), перманентно идущих бунтов и волнений, когда каждый намок на возможность восстания вызывал повышенное внимание оккупационных властей. Иерусалимскими низами безраздельно владели фарисеи (Флавий пишет: «Если они скажут что-нибудь против царя и первосвященника, им сразу же поверят») и их крайне радикальное крыло – zeloty, которые были резко оппозиционно и неприязненно настроены к коллаборационистам, в частности, саддукеям и иродианам (потомкам царя Ирода Великого). В то же время многие фарисеи проповедовали фанатичную ненависть к римлянам, как к оккупантам и идолопоклонникам.

Термин «zeloty» (*гр.* *Zelotes* – ревнители; *ивр.* каннаим) стал общим названием радикальных национал-патриотических течений бунтовщиков, эпохи Второго храма, с корнями в Галилее. Как ярко выраженная политическая партия они

описаны у Флавия в период до и во время Первой Иудейской войны. Но как некая автономная политическая сила он живет только в трудах некоторых историков. Ревнителе-зелоты – это распространенная характеристика и эпитет весьма широкой и не очень структурированной группы лиц, озабоченной чистотой Закона и иудейской религии. Еще Маттафия Хасмонеи призывает всех «ревнителей» взяться за оружие и идти за ним: «Пусть каждый ревнующий о Законе и поддерживающий Завет выйдет со мной» (1 Макк., 2: 26–27). Это призыв к политическому бунту, жестко увязанному с религией и превратившемуся во всенародное восстание против язычников, которое закончилось победой религиозно-патриотических сил. Ревнителями-зелотами, вероятнее всего, называли евреев, готовых сражаться и умереть за свои религиозные и политические убеждения. Впрочем, нельзя исключать, что это самоназвание присваивалось некими политическими группировками в период Первой Иудейской войны и перед ней.

Многие исследователи связывают последователей Иуды из Гамалы (восстание 6 г. н. э.) с ревнителями-зелотами, как весьма сходными по лозунгам и образу мыслей. А восстание галонитов произошло за многие годы до Иудейской войны. Очень сходно с зелотизмом учение двух фарисейских раввинов: «Один из них был Иуда, сын Сепфорея, а другой – Матфий, сын Маргала», собиравших «целые полчища» экзальтированных сторонников, еще при жизни Ирода Вели-

кого. Они побудили юношей разрубить топорами золотого орла, установленного на храмовой кровле. Бунтовщики схвачены, и на вопрос: «Кто им это внушил?» — они ответили: «Завет отцов!» (*Flav. Jos. Bel. lud. 33: 3*). Эти рассказы Флавия говорят об укорененности идеологии zelotизма. Много позже апостолу Павлу, прибывшему в Иерусалим, говорили: «Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона» (Деян., 21: 20). Следует считать, что «ревнителями» в Деяниях названы не члены некой структурированной политической партии, а более широкий круг религиозных патриотов. Логично также будет предположить, что, говоря о «зелотах» и «сикариях», Флавий имеет в виду не единую политическую организацию, а множество групп и школ рубежа эпох со сходной идеологией и методами ведения борьбы.

Флавий пишет, что zelоты «во всем были согласны с фарисеями, но обладали к тому необузданной любовью к свободе... Никакая смерть не казалась им страшною, да и никакое убийство (даже родственников и друзей) их не удерживало от того, чтобы отстаивать принципы свободы» (*Flav. lud. Ant. XVIII. 1: 6, 23*). Или еще, там же: «Некоторые безумцы и убийцы соединились в одно общество и приобрели много сторонников. Они призывали всех к завоеванию свободы и грозили смертью всякому, кто будет отныне подчиняться римскому владычеству, говоря: нужно освобождать силою тех, кто добровольно несет иго рабства. Они рассеялись по

всей иудейской стране, грабили дома богатых, убивали людей в них, зажигали деревни и хозяйничали так ужасно, что навлекли беду на весь иудейский народ. И с каждым днем зараза эта распространялась все больше». Римские власти отвечали той же монетой ненависти и репрессий, жестко пресекая любые намеки на беспорядки и бунты.

Въезд в Иерусалим

Иисус вполне мог вызывать опасения у римских властей, как источник и предводитель возможных волнений. Он был популярен среди народа, а популярность – это политический фактор. Во время хождений с учениками по Галилее Иисус водил за собой толпы людей: «Следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима и Иудеи и из-за Иордана». «А народ, услышав о том, пошел за Ним из городов пешком... А евших было около пяти тысяч человек кроме женщин и детей» (Мф., 14: 13–21). За Иисусом ходили пятитысячные толпы народа – этого более чем достаточно для пристального внимания со стороны римлян. «За Ним последовало много людей, и Он исцелил их там» (Мф., 19: 2). «И весь народ с утра приходил к Нему в Храм слушать Его» (Лк., 21: 38) «Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места» (Лк., 23: 5). Иисус чрезвычайно популярен. Он опасно популярен в глазах любой власти, тем более оккупационной власти!

«И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение» (Мф., 21: 10). Толпы народа восторженно встречали Иисуса: «Многие же постилали одежды свои по дороге; а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! Благословен Грядущий во имя Господне!

Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! Осанна в вышних!» (Мк., 11: 8–10; Мф., 21: 8–9). Тут явная аллюзия на стих Книги Царств: «И сказал он: то и то он сказал мне, говоря: «так говорит Господь: помазую тебя в царя над Израилем». И поспешили они, и взяли каждый одежду свою, и подостлали ему на самых ступенях, и затрубили трубою, и сказали: воцарился Ииуй!» (4 Цар., 9: 12–13). Так же как Иисуса, с пальмовыми ветвями, израильтяне встречали победы царей Хасмонеев над Антиохом IV Епифаном: «Поэтому они с жезлами, обвитыми плющом, и с цветущими ветвями и пальмами возносили хвалебные песни Тому, Который благопоспешил очистить место Свое» (2 Макк., 10: 7; а также 1 Макк., 13: 51). Так в Иерусалиме приветствуют земных царей Израиля, и Иисуса приветствуют не случайные прохожие и паломники, а Его сторонники, заранее нарезавшие пальмовые ветви, готовившиеся к встрече своего Царя! Изображение пальмы служило эмблемой свободной Иудеи на национальных монетах. Всем иудеям были знакомы религиозно-патриотические символы, сопровождавшие въезд Иисуса в Иерусалим: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истреблю колесницы у Ефрема и коней в Иерусалиме, и сокрушен будет бранный лук; и Он возвестит мир народам, и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов

земли» (Зах., 9: 9–10). Въезд Иисуса в Иерусалим, в глазах зрителей, представлял собой инсценировку осуществившегося пророчества мессианской победы, которая раз и навсегда освободит Израиль от языческого плена.

Не станем иронизировать над ошибкой интерполятора Матфея, который, не поняв смысла еврейского поэтического параллелизма, приписал Иисусу цирковой номер с поездкой одновременно и на осле и на осленке, поскольку у Захарии описывается одно и то же действие, но различными способами. Атеистические публицисты очень любили обыгрывать эту неточность, но она не так важна, а важно, что Иисус въезжает в Иерусалим верхом – это есть нарочитая демонстрация царского права, нарушение традиции, согласно которой простой паломник должен был войти в город пешком. Акт торжественного въезда вызывал у зрителей очевидную аналогию, связывающую фигуру Иисуса с Соломоном, сыном Давида, который за тысячу лет до Него воссел на царского мула, перед своим провозглашением царем (3 Цар., 1: 32–40). Даже то, как Иисус получил осла, может отражать Его понимание своей роли: Он использует царское право на реквизицию. «Скажите ему так: он надобен Господу». (Лк., 19: 31). Хозяин животного не осмелился возражать «грядущему царю». Реакция иудейских толп однозначно революционна: «Благословен царь, грядущий во имя Господне!» (Лк., 19: 38). Иоанн передает ее, еще более конкретизируя титул: «Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израи-

лев!» (Ин., 12: 13). Царь! Согласно представлениям того времени, Мессия должен был объявить себя именно на праздник Пасхи. За этими возгласами, перекликающимися с псалмом 117, стоит вера народа в то, что въезжающий на осле в Иерусалим, «во имя Господне» – это и есть долгожданный давидический мессия, которому суждено стать царем и повелителем Израиля.

Римляне законодательно запрещали коллегии и публичные собрания, тем более столь массовые, по любым поводам, не говоря про политически окрашенные сборища и манифестации. Еще в древнейших законах «Двенадцати таблиц» «мятежное сборище» рассматривалось как государственное преступление, караемое смертной казнью. Это подтверждают Деяния, описывая похожую с евангельской ситуацию: «Ибо мы находимся в опасности – за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище. Сказав это, он распустил собрание» (Деян., 19: 40). А ведь иерусалимские толпы не просто собрались на праздник, они приветствуют своего Царя! Такое шествие было опасно провоцирующим, и это понимали окружающие: «И некоторые фарисеи из народа сказали: «Учитель! Запрети ученикам Твоим» (Лк., 19: 39). Умеренные силы в городе видели: «Весь мир идет за ним» (Ин., 12: 19). Реакция Иисуса заставляет обратить на себя внимание: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк., 19: 39–40). Он

принимает царские почести и титул Машиаха! Он вступает в Иерусалим, как претендент на трон Давида, и принимает множественные приветствия, предназначенные лишь претендентам на трон. Иерусалимские толпы шумно и восторженно встречают популярного лидера прямо на глазах оккупантов! Это равносильно открытому бунту. Тем более что бунт в Иерусалиме на этот Песах (Пейсах) или непосредственно перед ним уже произошел! «Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство» (Мк., 15: 6–15). «Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство» (Лк., 23: 19). Вероятно, именно бунт заставил Пилата оставить резиденцию в Кесарии и прибыть в Иерусалим – это сотня километров пути. Сомнительно, что ежегодный, ординарный праздник Песах был сочтен серьезным поводом для неблизкой поездки. Пилат симпатий к иудаизму не питал (скорее наоборот) и частного интереса присутствовать на празднике не имел, значит, приехал по служебно-полицейской нужде. Возможно, он принимал во внимание то, что Песах – это праздник освобождения иудеев от ига, праздник национальной свободы, что несет в себе опасность очевидных революционных ассоциаций. Именно на Песах ожидался приход Машиаха! Любые публичные действия популярных лидеров в такие дни приковывали к себе пристальное внимание оккупантов.

Изгнание менял

Эпизод с изгнанием менял вызывает массу споров и вариантов объяснения, но его совершенно невозможно трактовать как проявление пацифизма. Это провокационный акт по отношению к властям, перед носом у римлян наблюдавших за площадью из крепости Антония. Любопытно, что во время инцидента, связанного с изгнанием торговцев и менял, работающих у Храма (а не в Храме!), храмовая стража, коей было вменено следить за порядком, не вмешалась и не применила свои полномочия, не пустила в ход дубинки, которыми обладала... А ведь Храм – это и военная крепость, и национальная сокровищница, тут самовольничать не заведено! Может, стража признала Его как Машиаха – Первосвященника, имеющего право реформировать Храм, изгоняя коллаборационистов, его оскверняющих? Им были знакомы строки «Завещания 12 Патриархов»: «Тогда восставит Господь священника нового, коему все слова Господа откроются, и сам будет вершить он суд правды на земле множество дней. И взойдет на небесах звезда его» (Завещание Левия, 18). Действия Иисуса имеют прямые параллели с властными шагами Иуды Маккавея по очищению храма от осквернения (1 Макк., 4: 36–60; 2 Макк., 10: 1–8). А всю торговлю наверняка контролировала храмовая верхушка, тесно связанная с римскими оккупантами, уж очень был прибылен кон-

вертационный бизнес, принимая во внимание разницу в цене золота и серебра в разных концах огромной Римской империи; да и жертвенные животные приносили немало денег. Деньги не любят шума, администрация Храма должна была это понимать и не допускать эксцессов. Хотя бизнесом занималась только узкая прослойка евреев, крупных купцов, обладавших большими капиталами, их, вопреки расхожему мнению, было мало. «Мы не коммерческий народ», – писал Иосиф Флавий.

А возможно, причиной лояльности и нерешительности стражи был страх и они не рискнули вмешиваться, в силу подавляющей многочисленности и вооруженности его спутников? Стража Храма была скромной по числу, не более двухсот человек, согласно Флавию – на каждые из десяти ворот Храма приходилось по двадцать человек стражников. А о наличии серьезного числа и грозных видом соратников говорит и Матфей: «...захотели схватить Его, но побоялись народа, считавшего Его пророком» (Мф., 21: 46). То же самое говорит и Лука: «Искали первосвященники и книжники, как бы погубить Его, потому что боялись народа» (Лк., 22: 2). Очевидно, что повод бояться у храмовой стражи был, Его поддерживал народ – евреи Иерусалима и паломники, группа которых была достаточно многочисленной и, возможно, вооруженной (судя по мечам у учеников Иисуса).

Вообще эпизод с изгнанием торговцев и менял несколько странный.

Во-первых, никаких менял в самом Храме не было, они работали на специально отведенной территории, предписанной законом, и были необходимой частью ритуала. Торговцы продавали животных и птиц, назначенных для жертвоприношения, а менялы обменивали разнообразную валюту на шекел-ха-кодеш (священный шекель), применявшийся в культовой практике, как единица, пригодная для жертвоприношения, в священную казну Храма – корбан. Для внесения в корбан не годились монеты с изображениями разнообразных «кумиров» – царей, императоров и более мелких паханов, чеканивших свою монету на просторах ойкумены, так как они оскверняли храмовую казну, ввиду того что изображения людей запрещены Законом. Карманы местных бизнесменов отнюдь от этого осквернения не страдали (бизнес есть бизнес), тем более что прибыль была весьма заметной. Но не вся площадь Храмовой горы освящена, на большей части можно менять деньги и торговать и т. п.

Во-вторых, что именно вызвало гнев Иисуса – сказать сложно. Он с самого детства, многократно, бывал в Храме и был хорошо знаком с его укладом и распорядком, видел этих бизнесменов не раз, даже точно знаком с их ценами: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий?» (Мф., 10: 29). Его родители не были очень богаты и, видимо, покупали для обязательной жертвы голубей или горлиц (Лев., 12: 6). Возможно, Его возмутило, что на жертвенных птиц торговцы взвинчивали цены? «Если же он не в состоянии принести

овцы, то в повинность за грех свой пусть принесет Господу двух горлиц или двух молодых голубей, одного в жертву за грех, а другого во всесожжение, пусть принесет их к священнику...» (Лев., 5: 7–8).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.